

Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи

А.А. Реан, И.А. Коновалов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 21 февраля 2019/ Принята к публикации: 16 марта 2019

Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family

Artur A. Rean*, Ivan A. Konovalov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: arean@hse.ru

Received February 21, 2019 / Accepted for publication: March 16, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Проблемы асоциального поведения и подростковой агрессивности классически рассматриваются с точки зрения психологического благополучия семьи. Такое исследование весьма актуально, поскольку факторы социально-экономического неравенства семей являются одним из проявлений культурно-исторического контекста, в котором проходит развитие современных подростков.

Цель: теоретико-эмпирическое обоснование необходимости рассмотрения агрессивности подростков в контексте проблемы социально-экономического неравенства.

Описание хода исследования. Исследование было реализовано в форме онлайн-опроса, проходившего в школах РФ. Оценка агрессивности осуществлялась с помощью сокращенной версии опросника Басса-Дарки. Выборку составили 883 респондента из семи регионов Российской Федерации. В выборку вошли учащиеся старших классов различных типов школ. Гендерный состав: юноши – 41%, девушки – 59%. Средний возраст респондентов составил 16 лет. Обработка данных осуществлялась с помощью следующих методов статистической обработки: критерий Краскалла-Уоллеса, критерии Стьюдента и Манна-Уитни, факторный анализ по методу максимального правдоподобия. Обработка данных осуществлена в R Studio (R version 3.4.2)

Результаты исследования. В рамках исследования установлено, что различия показателей агрессивности отражаются преимущественно на субъективных аспектах агрессивности (обида, чувство вины), а также общего показателя агрессивности в зависимости от социально-экономического статуса семьи. Различные уровни готовности к физической агрессии проявляют респонденты из семей, в которых работают только отец или только мать. Установлено, что юношам и девушкам свойственна склонность к различным проявлениям агрессивности. Было выявлено также, что различия в показателях агрессивности в контексте культурного капитала и социально-экономического статуса семьи отражаются преимущественно на субъективных аспектах агрессивности.

Выводы. Несмотря на статистическую значимость полученных различий, с абсолютной точки зрения, различия крайне невелики. Можно предположить, что показатели социально-экономического благополучия семьи связаны с подростковой агрессивностью опосредованно – ключевым моментом являются все же психологические характеристики: специфика взаимоотношения между родителями и ребенком, особенности воспитательных практик, предпочитаемых родителями, особенности организации жизни семьи и др. Сами по себе факторы социально-экономического благополучия выступают, по-видимому, лишь условием, облегчающим или же, наоборот, затрудняющим реализацию воспитательных практик, принятых в семье, ключевая же роль принадлежит активности как родителей, так и ребенка. Однако для доказательного обоснования данного положения требуется проведение отдельного исследования.

Ключевые слова: социально-экономическое благополучие, агрессивность, враждебность, семья, подростки, гендерные различия, неравенство.

Background The issue of antisocial behaviour and adolescent aggressiveness are usually studied from the perspective of family psychological well-being. Social and economic inequality of contemporary families are important factors of cultural and historical context of the of modern adolescents' developmental situation.

Objective The paper provides an attempt of articulating the theoretical basis of adolescents' aggression, i.e. family SES analysis. The paper is also dedicated to the research of differences in adolescents' aggression indicators within gender- and family SES- groups spectrum.

Design The research was conducted as an online survey in the public schools of Russian Federation. The present sample consisted of 883 respondents (59% were females, 41% were males). The average age was 16 years. Adolescents' aggression was assessed by the short version of Buss-Durkey Inventory. Statistical analysis methods included Kruskal-Wallis test, T-test, Mann-Whitney test and factor analysis (maximum likelihood).

Results. The study revealed that differences in aggression indicators are mainly reflected in the subjective aspects of aggression (resentment and guilt), and also a general indicator of aggression depending on the socio-economic status of the family. Different levels of preparedness for physical aggression are shown by respondents from families in which only the father or only the mother works. Both females and males are prone to various manifestations of aggressiveness. Differences in indicators of aggression in the context of cultural capital and the socio-economic status of the family are reflected mainly in the subjective aspects of aggression.

Conclusion. Statistically speaking, the differences obtained are quite significant, but from an absolute point of view they are extremely small. The indicators of socio-economic well-being of a family are related to adolescent aggression indirectly, with psychological characteristics being the key point. Specific features of the relationship between parents and the child, features of educational practices preferred by parents, features of family organization, etc. Economic well-being appear only a condition that facilitates or, conversely, complicates the implementation of educational practices adopted in the family. The major role belongs to the activity of both parents and children. A further research is required to verify the latter.

Keywords: socio-economic background, aggression, hostility, family, adolescents, gender differences, inequality.

Введение

В настоящее время проблематика неравенства, прежде всего, социально-экономического, все чаще становится предметом исследований в сфере образования. В фокусе внимания оказываются вопросы равного доступа к образованию и образовательные достижения учащихся, по отношению к которым установлены основные эффекты влияния неравенства (Фруммин, 2006). Также существует ряд исследований, посвященных различиям переживаний субъективного благополучия в контексте социально-экономической дифференциации (Michalos, 2017). Не менее важным направлением в исследовании эффектов неравенства является гендерная проблематика.

преодолению последствий социально-экономической дифференциации, влияющей на образовательный процесс и его результаты (Pinskaya et al., 2017; Теория и практика поддержки ..., 2017).

Сами эффекты неравенства в образовании являются своего рода «лакмусовой бумагой», помогающей выявить те или иные аспекты результативности образовательной системы отдельных государств. Это, например, отражается в аналитических материалах сопровождающих реализацию «шагов» международного исследования PISA (Salinas, 2017).

Проблемы асоциального поведения и агрессивности, в частности, подростковой не часто попадают в фокус внимания исследований, рассматривающих влияние неравенства в сфере образова-

ми преступности. Было установлено, что существует связь социально-экономической дифференциации с тяжкими преступлениями, но не была выявлена ее связь с преступлениями против собственности (Kelly, 2000). Обобщение результатов многочисленных исследований показывает, что бедность является одним из наиболее надежных признаков, позволяющих прогнозировать подростковую преступность, как среди юношей, так и среди девушек (Бартол, 2004).

В нашей работе мы опираемся на разделение понятий «агрессия» и «агрессивность». Агрессивность является личностным свойством, выражающимся в готовности к агрессивному поведению. Агрессия – это действие, связанное с нанесением ущерба другому (Реан, 1996). Именно уровень агрессивности мы считаем релевантным показателем при анализе проблем современного подростка, в дальнейшем нацеленном на профилактику.

Агрессивность как личностное свойство имеет ряд составляющих, в частности, поведенческую готовность к деструктивному поведению и социально-перцептивную готовность к интерпретации событий окружающего мира как враждебных. Наличие социально-перцептивной готовности обуславливает существование личностных диспозиций, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты педагогической коррекции.

В ряде отечественных исследований была поднята проблема связи показателей агрессивности с различными характеристиками, в частности, такими, как гендер и социально-экономический статус. П.А. Ковалев проанализировал в качестве самостоятельных психологических феноменов такие явления, как склонность к разным видам агрессивного поведения, и агрессивность как свойство личности. Им были выявлены типы агрессивного поведения подростков и юношей, связь между типом агрессивного поведения и социальным статусом школьника в классе (Ковалев, 1996).

В работе С.В. Марковой показано, что юноши 15–17 лет имеют схожий с девушками уровень выраженности агрессивных проявлений, но отличную структуру агрессивности, что выражается в параметрах маскулинности, склонности к деви-

Агрессивность как личностное свойство имеет ряд составляющих, в частности, поведенческую готовность к деструктивному поведению и социально-перцептивную готовность к интерпретации событий окружающего мира как враждебных. Наличие социально-перцептивной готовности обуславливает существование личностных диспозиций, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты педагогической коррекции.

Способность образовательной системы нивелировать эффекты социально-экономического неравенства является одним из показателей ее эффективности. Было введено понятие «результантная школа», обобщающее совокупность практик, в значительной степени способствующих

ни. Эффекты неравенства, связанные с преступностью и асоциальным поведением, фиксируются в криминологических исследованиях. Так, например, в работе М. Келли была поставлена задача выяснения связи между социально-экономическим неравенством и различными типа-

Артур Александрович Реан –

доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, заведующий лабораторией профилактики асоциального поведения Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: arean@hse.ru
<https://www.hse.ru/org/persons/198024489>

Иван Александрович Коновалов –

аналитик лаборатории профилактики асоциального поведения Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: ikononov@hse.ru
<https://www.hse.ru/org/persons/208457695#sci>

антному поведению и степени выраженности перфекционизма (Маркова, 2012). И.Э. Кондракова рассматривала ограниченность среды подростковой самореализации как фактор, обуславливающий агрессивное поведение (Кондракова, 2000).

Имеется значительное количество исследований, в которых подростковая агрессивность изучается в русле детско-родительских отношений. Например, было установлено, что «вторгающиеся» поведение со стороны матери и отца связано с высоким уровнем детско-родительской враждебности (Weymouth, Buehler, 2016), что не может не оказывать влияния на развитие подростковой агрессивности. По итогам лонгитюдного исследования Т. Трифан и Х. Статтина установлено, что подростки, вовлеченные во враждебные взаимодействия дома, более подвержены риску участия в конфликтах в иных повседневных ситуациях: в школе, в общении со сверстниками в свободное время. При этом результат оказывается устойчивым во времени (Trifan, Stattin, 2016).

Существует положительная зависимость между строгостью наказания детей и уровнем их агрессивности. В результате изучения сначала младших школьников, а затем подростков было обнаружено, что те дети, которые подвергались со стороны родителей строгим наказаниям, проявляли в поведении большую агрессию. Более того, Л.Д. Эрном с соавторами было установлено, что суровость наказания по отношению к детям 8-ми лет коррелировала с агрессивностью их поведения в 18-ти и 30-ти летнем возрасте (Бэрон, Ричардсон, 2001). В другом исследовании было показано, что наименее агрессивные 18-ти летние юноши были как раз из числа тех, кого в 8-ми летнем возрасте родители, хотя и наказывали, но не строго (Lefkowitz et al., 1977).

Выдвинут ряд гипотез о связи враждебности и различных параметров социально-экономического статуса: субъективно оцениваемого актуального социально-экономического статуса (MacArthur Scale of Subjective Social Status), благосостояния семьи в период дошкольного детства (от 0 до 7 лет) респондента (параметр оценивался с помощью вопроса: владела ли семья респондента недвижимой собственностью в этот период) и «объективного» уровня социально-экономического

статуса (оценивалось образование родителей и доход семьи). В рамках исследования было установлено, что враждебность не связана ни с субъективной, ни с объективной оценкой актуального социально-экономического благополучия, но

При изучении агрессивности детей и подростков в школьной среде и влияния на это семейных факторов необходимо учитывать как психологический, так и социологический взгляды на проблему. Параметры социально-экономической дифференциации являются примером релевантных социологических характеристик. К ним можно отнести такие индикаторы социально-экономического благополучия семьи, как образование родителей и финансовый статус семьи.

обнаружилась ее устойчивая связь с уровнем благосостояния семьи в детстве респондента (Makosinska et al., 2016). Отметим, что испытуемыми в данном проекте выступили студенты. Интерпретируя полученные результаты, авторы исследования полагают, что такие результаты могут быть связаны со спецификой положения студента в обществе – молодой человек во многом дистанцировался от своей семьи и ищет свой личный путь, но при этом в качестве меры его «объективного» благополучия брались параметры его родительской семьи (Makosinska et al., 2016).

Задачей данного этапа исследования является оценка связей между показателями подростковой агрессивности и характеристиками семейного благополучия (уровень образования родителей, наличие работы у родителей и финансовый статус семьи), а также рассмотрение агрессивности современных подростков в гендерном аспекте

Изучение подростковой агрессивности в контексте социально-экономической дифференциации является важной научной задачей. Дальнейшая «проекция» научных результатов в область образовательной практики может и должна внести весомый вклад в выстраивание доказательно обоснованной системы профилактики асоциального поведения в школьной среде.

В настоящий момент актуальной является задача изучения школьной агрессивности в контексте воспитательной деятельности основных агентов образовательного процесса – семьи и школы.

При изучении агрессивности детей и подростков в школьной среде и влияния на это семейных факторов необходимо учитывать как психологический, так и социологический взгляды на проблему.

Параметры социально-экономической дифференциации являются примером релевантных социологических характеристик. К ним можно отнести такие индикаторы социально-экономического благополучия семьи, как образование ро-

дителей и финансовый статус семьи.

Говоря о психологическом аспекте, можно отметить, что семейные практики, ведущие к развитию асоциального и агрессивного поведения, были предметом изучения во многих работах (Рван, 2009, 2013; Семья: психология, педагогика ..., 2010; Cutrin et al., 2015; Piquero et al., 2016). Исследования школьного климата в последнее время набирают все большую популярность как в зарубежной (Berkowitz et al., 2017; Wang, Degol, 2016; O'malley et al., 2015), так и в отечественной психологии и педагогике (Чиркина,

Хавенсон, 2017; Александров и др., 2018).

Взаимодействие таких социальных институтов, как семья и школа обусловлено культурно-исторически – и школьные, и семейные воспитательные практики испытывают влияние социально-экономической обстановки на уровне государства и на уровне отдельной семьи или школы. Это во многом обуславливает специфику их взаимодействия.

В настоящей статье мы не ставим своей целью провести оценку взаимодействия рассматриваемых характеристик семьи и школы. Задачей данного этапа исследования является оценка связей между показателями подростковой агрессивности и характеристиками семейного благополучия (уровень образования родителей, наличие работы у родителей и финансовый статус семьи), а также рас-

смотрение агрессивности современных подростков в гендерном аспекте.

Проведение исследования

Выборка и используемые методики

Выборка. Выборку составили 883 респондента из семи регионов Российской Федерации. В выборку вошли учащиеся старших классов различных типов школ. Гендерный состав: юноши – 41%, девушки – 59%. Средний возраст респондентов 16 лет. В соответствии с международными представлениями – это подростковый возраст.

Табл. 1. Процент респондентов из городов с различной численностью населения

Численность населенного пункта	Процент респондентов из выборки
Менее 100 тыс. чел	15%
От 100 тыс. чел. до 500 тыс.чел.	50%
От 500 тыс.чел. до 1 000 000 чел.	12 %
Более 1000000 чел.	23%

Table 1. Percentage of respondents from cities with different populations

Population	Respondents, per cent
Less than 100,000 prs	15%
From 100,000 prs to 500,000 prs	50%
From 500,000 prs to 1,000,000 prs	12 %
Over 1,000,000 prs	23%

Методики. Оценка агрессивности в рамках нашего исследования была осуществлена в соответствии с концепцией Басса-Дарки. Были использованы утверждения, фиксирующие типичные проявления поведенческих реакций, соответствующих различным видам агрессивного поведения, выделенных в рамках указанного подхода. Всего было включено 16 высказываний, с которыми испытуемые высказывали свое согласие или несогласие по четырехбалльной шкале. На каждый из видов агрессивности приходится от одного до трех утверждений. Соотношение утверждений и конкретных видов агрессии в рамках концепции Басса-Дарки будет рассмотрено ниже. В рамках этой концепции каждое утверждение из исходного опросника относится только к одному виду агрессивности, поэтому использование отдельных вопросов для оценки интересующего нас параметра вполне обоснованно.

Однако данный факт накладывает ограничения на получение выводов относи-

тельно высокой или низкой выраженности того или иного показателя. Поэтому в нашей работе речь не идет об индивидуально-психологической диагностике и дифференциации личности подростков по уровню агрессивности. Анализ и интерпретация сосредоточены на том, для чего может быть корректно использован данный фактор, – на оценке связи между различными параметрами и на оценке значимости различий между группами испытуемых по интересующему нас параметру.

Социально-демографический блок вопросов. Для получения информации об образовании родителей использовался

закрытый вопрос: «Есть ли у Ваших родителей высшее образование?». Варианты ответов:

- Да, у обоих;
- Только у отца;
- Только у матери;
- У обоих нет высшего образования.

Для оценки материального положения семьи испытуемым был задан вопрос: «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» Варианты ответов (далее для обозначения уровней факторов будут использованы соответствующие цифры):

1. На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности;
2. На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т.п. представляет трудности;
3. Мы достаточно материально обеспечены, но чтобы купить автомобиль или съездить в дорогостоящий отпуск, придется залезать в долги;
4. Мы материально обеспечены, можем позволить себе покупку автомобиля и дорогостоящий отпуск.

Опрос проводился анонимно в онлайн-формате. Опрос был проведен в школах пяти регионов РФ, инструкция была озвучена педагогами, осуществляющими замены уроков, опрос проводился в компьютерных классах. Применялись следующие методы статистической обработки: критерий Краскала-Уоллеса, критерий Стьюдента и Манна-Уитни, факторный анализ по методу максимального правдоподобия.

Полученные результаты и их обсуждение

Распространенность различных видов готовности к агрессии. Рассмотрим распространенность различных видов готовности к агрессии, структура агрессии выделена согласно концепции Басса-Дарки.

По параметру «Готовность к физической агрессии» 63% подростков демонстрируют низкие показатели (2–3 балла), 25% респондентов показали средний уровень (4–5 баллов), у 12% подростков выявился высокий уровень готовности к физической агрессии (6–8 баллов). По параметру «Готовность к вербальной агрессии» 39% подростков демонстрируют низкие показатели (2–3 балла), для 44% респондентов характерны средние показатели (4–5 баллов), у 17% подростков высокий уровень выраженности данного параметра (6–8 баллов). По параметру «Косвенная агрессия» 74% подростков демонстрируют низкий уровень (1–2 балла), 26% респондентов – высокий уровень (3–4 балла). Что касается выраженности параметра «Негативизм», то выявилось, что у 31% подростков он на низком уровне (1–2 баллов), у 57% подростков на среднем уровне (4–5 баллов), 12% респондентов – высоким (6–8 баллов).

По параметру «Раздражение» для 33% подростков характерны низкие показатели (2–3 балла), 53% респондентов демонстрируют средние показатели (4–5 баллов), 14% подростков – высокие показатели (6–8 баллов). «Подозрительность» слабо выражена у 31% подростков (2–3 балла), средне – у 54% респондентов (4–5 баллов), сильно выражена у 15% подростков (6–8 баллов). По параметру «Обида» 40% подростков демонстрируют низкий уровень (2–3 балла), 51% респон-

дентов – средний уровень (4–5 баллов), 9% подростков – высокий уровень (6–8 баллов). Низкие показатели параметра «Чувства вины» характерны для 31% подростков (3–5 баллов), средние – для 38% респондентов (4–5 баллов), высокие – для 31% подростков (6–8 баллов).

В целом, можно отметить, что в большинстве случаев респонденты сообщают о низком или среднем уровне готовности к совершению агрессивных действий. Исключения составляют показатели готовности к косвенной агрессии (26%). Также достаточно большой процент респондентов (31%) отметили то, что для них характерен высокий уровень чувства вины, что в теории агрессии рассматривается как проявление аутоагрессивности.

Результаты факторного анализа. Для оценки факторной структуры был произведен факторный анализ по методу максимального правдоподобия (вращение – ротация). Процент объясненной дисперсии – 47%. В результате процедуры было выделено три фактора. Фактор 1 был нами проинтерпретирован как «Враждебность». Туда вошли утверждения, связанные с субъективными аспектами переживания агрессивности подростками: раздражением, подозрительностью, чувством вины (табл. 2).

Следует пояснить, что в рамках концепции Басса-Дарки понятие «враждебность» трактуется как «реакция отношения ... скрыто вербальная реакция, которой сопутствуют негативные чувства (злая воля) и негативная оценка людей и

событий» (Бэрон, Ричардсон, 2001, С. 61; Buss, 1961). Данное понятие выделяется в соотнесении с понятием «агрессия», понимаемым как «ответ, содержащий стимулы, способные причинить вред другому существу» (Бэрон, Ричардсон, 2001, С. 61; Buss, 1961). Анализ современного состояния понятия «враждебность» в соотнесении с клинической и криминологической проблематикой проведен С.Н. Ениколоповым (Ениколопов, 2007). Им оно определяется как «негативное отношение к каким-либо объектам» и рассматривается «в рамках представлений о картине мира» (Ениколопов, 2007, С. 34). Иными словами, понятие «враждебность» фиксирует когнитивно-эмоциональные проявления агрессивности.

Фактор 2 получил название «Готовность к совершению физической или вербальной агрессии».

Фактор 3 был условно обозначен как «Негативизм». Факторные нагрузки, на основе которых были осуществлены содержательные интерпретации факторов, представлены в табл. 2. В дальнейших расчетах используются как факторные значения, так и сумма баллов по отдельным видам агрессивности. Покажем отношение утверждений к исходным видам агрессии и показателям агрессивности в рамках концепции Басса-Дарки: физическая агрессия – утверждения 1, 2, вербальная – 3, 4, косвенная – 5, негативизм – 6, 7, раздражение – 7, 8, подозрительность – 10, 11, обида – 12, 13, чувство вины – 10, 11, 12 (табл. 2).

Агрессивность и пол респондентов. Нами были проанализированы различия агрессивности испытуемых в зависимости от пола респондентов. Были выявлены значимые различия между девушками и юношами по средним факторным значениям (фактор 1) ($W=37.954, p<0.001$). Согласно полученным данным, девушки демонстрируют несколько более высокий уровень враждебности (рис. 1). Иными словами, для девушек в большей степени характерно переживание негативных эмоций и чувств, связанных с агрессией (подозрительность, обида, раздражение и чувство вины), которые составляют основу выделенного нами фактора 1 – «Враждебность».

По фактору «Готовность к совершению физической и вербальной агрессии» выше оказываются показатели юношей (рис. 2). Различия статистически значимы ($W=28.793, p<0.001$). Иными словами, для юношей скорее характерна готовность проявлять агрессию по отношению к внешнему миру в физической или вербальной форме.

По фактору 3 «Негативизм» значимых различий между девушками и юношами выявлено не было ($W=0.11851, p=0.73$).

При рассмотрении отдельных параметров готовности к агрессии были получены значимые различия между девушками и юношами по параметру «Подозрительность» ($t=3.6027, p<0.001; W=110010, p<0.001$). Уровень подозрительности девушек оказался несколько выше (рис. 3).

Табл. 2. Распределение нагрузок по факторам (метод максимального правдоподобия, вращение ротация)

Утверждения	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Временами не могу справиться с желанием навредить кому-либо.		0,792	-0,133
2. Если разозлюсь, могу ударить кого-нибудь.	-0,161	0,704	0,194
3. Если кто-то раздражает меня, готов сказать ему все, что о нем думаю.			0,727
4. Часто просто угрожаю людям, не собираясь приводить угрозы в исполнение.		0,559	
5. Могу вспомнить случаи, когда был настолько зол, что хватал первую попавшуюся под руку вещь и ломал ее.		0,575	
6. Когда установленное правило не нравится мне, хочется нарушить его.		0,262	0,412
7. Когда люди строят из себя начальников, я делаю все, чтобы они не зазнавались.			0,705
8. Легко раздражаюсь, но легко и успокаиваюсь.	0,553		0,192
9. Часто чувствую себя, как пороховая бочка, готовая взорваться.	0,582	0,275	
10. Меня настораживают люди, которые относятся ко мне более дружелюбно, чем я этого ожидаю.	0,604		
11. Раньше думал, что большинство людей говорит правду, но теперь этому не верю.	0,676	-0,129	0,171
12. Хотя я и не показываю этого, иногда меня гложет зависть.	0,621	0,132	-0,131
13. Иногда чувствую, что жизнь со мной поступает несправедливо.	0,691		
14. Делаю много такого, о чем впоследствии сожалею.	0,784		
15. Меня огорчает, что я мало делаю для своих родителей	0,741	-0,171	
16. Часто думаю, что живу неправильно.	0,814		

Table 2. Factor load distribution (maximum likelihood method, promax rotation)

Statements	Factor 1	Factor 2	Factor 3
1. Sometimes I can't cope with the desire to harm someone.		0.792	-0.133
2. If I get angry, I can hit someone.	-0.161	0.704	0.194
3. If someone annoys me, I am ready to tell them my piece of mind.			0.727
4. I often threaten people without having an intention to carry out the threat.		0.559	
5. I can remember when I was so angry that I grabbed whatever came to my hand and broke it.		0.575	
6. When I don't like the rule I want to break it		0.262	0.412
7. When people make themselves out to be bosses I do my best so as they do not put on airs.			0.705
8. I get irritated easily, but I calm down easily.	0.553		0.192
9. I often feel like a powder keg ready to explode.	0.582	0.275	
10. I'm worried about people who treat me more friendly than I expect.	0.604		
11. I used to think that most people tell the truth, but now I don't believe it.	0.676	-0.129	0.171
12. Sometimes envy gnaws me, although I do not show it.	0.621	0.132	-0.131
13. Sometimes I feel that life does not treat me fairly.	0.691		
14. I do a lot of things that I regret afterwards.	0.784		
15. The feeling that I do little for my parents makes me sad	0.741	-0.171	
16. I often think that I live inappropriate life.	0.814		

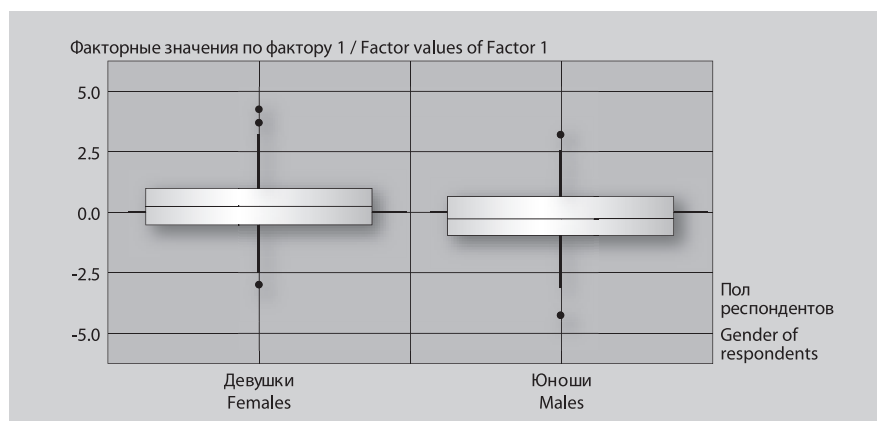

Рис. 1. Различия по средним факторным значениям (фактор 1) в зависимости от пола респондентов
Fig. 1. Differences in average factor values (Factor 1) depending on the gender of the respondents

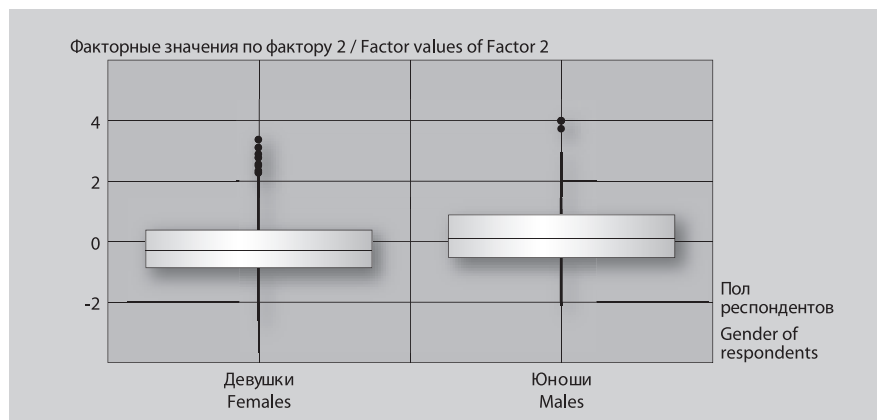

Рис. 2. Различия по средним факторным значениям (фактор 2) в зависимости от пола респондентов
Fig. 2. Differences in average factor values (Factor 2) depending on the gender of the respondents

Аналогичная тенденция наблюдается и относительно параметра «Раздражение» (рис. 4). Показатели девушек статистически значимо выше, чем юношей ($t = 5.2373, p < 0.001; W = 117040, p < 0.001$).

Таким образом, по фактору «Враждебность» нами были выявлены статистически значимо более высокие показатели у девушек, по сравнению с юношами, а по фактору «Готовность к вербальной или

физической агрессии» – наоборот, у юношей, по сравнению с девушками. Возможным объяснением полученных различий может служить тот факт, что в нашей культуре типичным является убеждение в том, что мальчикам можно проявлять некоторую агрессию, в отличие от девочек. Эти убеждения находят свое отражение в воспитательных практиках.

Однако в некоторой степени парадоксальным является полученный нами результат, согласно которому девушки превосходят юношей по таким параметрам агрессивности, как раздражение и обида. По остальным отдельным параметрам агрессивности различий не установлено. Возможно, это связано с тем, что в современной культуре сглаживаются поведенческие стереотипы маскулинности и феминности, и в определенных областях девушкам становится присуща склонность к традиционно маскулинному поведению.

Агрессивность в контексте социально-экономического благосостояния семьи. Ниже будут рассмотрены различия в уровне агрессивности подростков в зависимости от показателей социально-экономического благополучия семей: наличия у родителей высшего образования, работы и финансового статуса семьи.

Показатель «Подозрительность» выражен значимо выше у испытуемых, у которых отсутствует высшее образование у обоих родителей, или высшее образование есть только у матери ($N = 8.1806, df = 3, p = 0.042$).

При апостериорном анализе различия между группами «у родителей нет высшего образования» и «оба родителя имеют высшее образование» также подтверждаются ($W = 28570$, $p = 0.009378$).

Показатель готовности к физической агрессии оказался значимо выше у испытуемых, указавших, что в их семье работает только мать ($W = 4814$, $p = 0.0207$).

Перейдем к рассмотрению данных о степени агрессивности подростков в зависимости от наличия высшего образования у родителей.

Получены значимые различия между респондентами, имеющими родителей с разным уровнем образования ($N=13,47$, $p = 0.003$). При апостериорном анализе установлены различия между группами респондентов, у которых «у обоих родителей нет высшего образования», и тех, у которых «оба родителя имеют высшее образование» ($W = 6768$, $p = 0.003$).

По факторам 2 («Готовность к совершению физической или вербальной агрессии») и 3 («Негативизм») значимые различия в зависимости от наличия у родителей высшего образования отсутствуют. Напомним, что фактор 1 «Враждебность» концептуализирует субъективные аспекты переживания агрессивности. И именно в этом аспекте были получены значимые различия между группами испытуемых в связи с наличием высшего образования у семьи (рис. 7). Аналогичная тенденция наблюдается и относительно отдельных субъективных параметров агрессивности: «Обиды» (рис. 8) и «Чувства вины» (рис. 9).

Рассмотрим показатели агрессивности в контексте финансового статуса семьи (обозначения уровней фактора приведены выше).

Показатели по шкале «Обида» оказались значимо выше у испытуемых, отметивших наиболее низкий уровень финансового статуса своей семьи. И, наоборот, наиболее низкий уровень по данному показателю зафиксирован у испытуемых, указавших высокий уровень финансового статуса ($H = 17.95$, $df = 3$, $p = 0.000$).

Показатели по шкале «Чувство вины» оказались значимо выше у испытуемых, отметивших наиболее низкий уровень финансового статуса семьи. И, наоборот, наиболее низкий уровень по данному показателю зафиксирован у испытуемых,

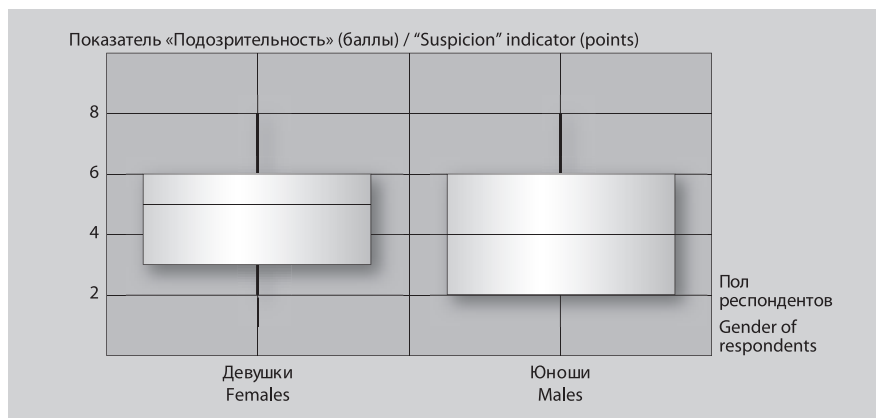

Рис. 3. Различия по показателю «Подозрительность» в зависимости от пола респондентов

Fig. 3. Difference in the "Suspicion" indicator depending on the gender of the respondents

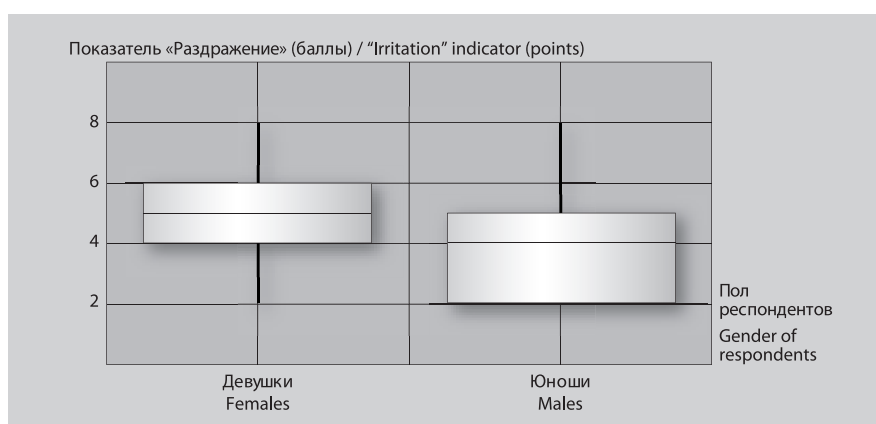

Рис. 4. Различия по показателю «Раздражение» в зависимости от пола респондентов

Fig. 4. Difference in the "Irritation" indicator depending on the gender of the respondents

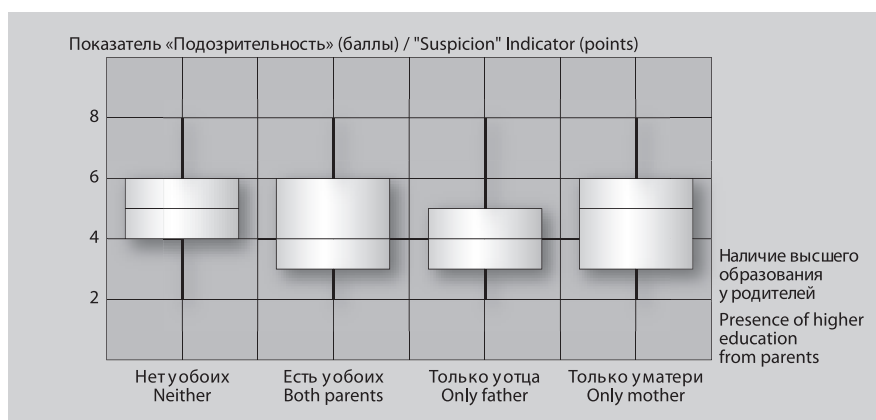

Рис. 5. Различия по показателю «Подозрительность» в зависимости от наличия высшего образования у родителей респондентов

Fig. 5. Differences in the "Suspicion" indicator depending on the presence of higher education among the parents of respondents

указавших высокий уровень финансового статуса ($H = 14.32$, $df = 3$, $p = 0.002$).

Общий уровень агрессивности оказался статистически значимо ниже у испытуемых, заявивших либо о достаточном уровне материальной обеспечен-

ности, либо о высоком ($H = 9.0949$, $df = 3$, $p = 0.028$).

Говоря о корректности интерпретации полученных результатов, следует указать на такой момент, как: статистически значимая связь переменных социаль-

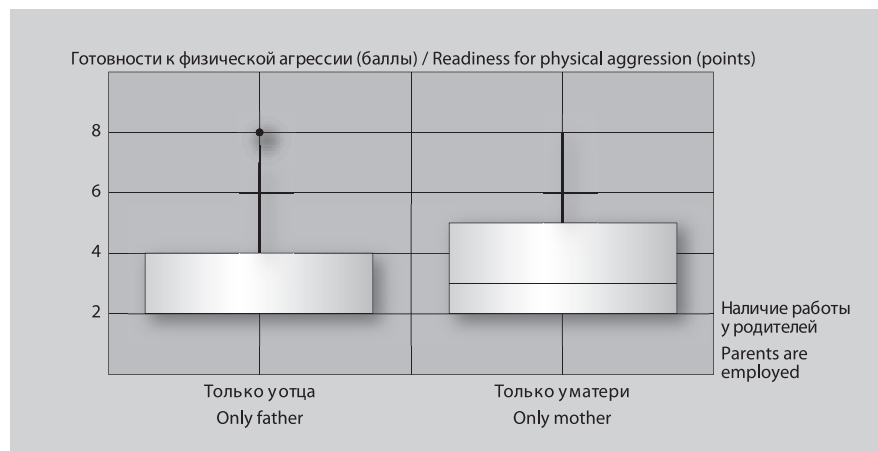

Рис. 6. Различия в готовности к физической агрессии в зависимости от наличия работы у родителей респондентов

Fig. 6. Difference in readiness for physical aggression depending on the availability of work for parents of respondents.

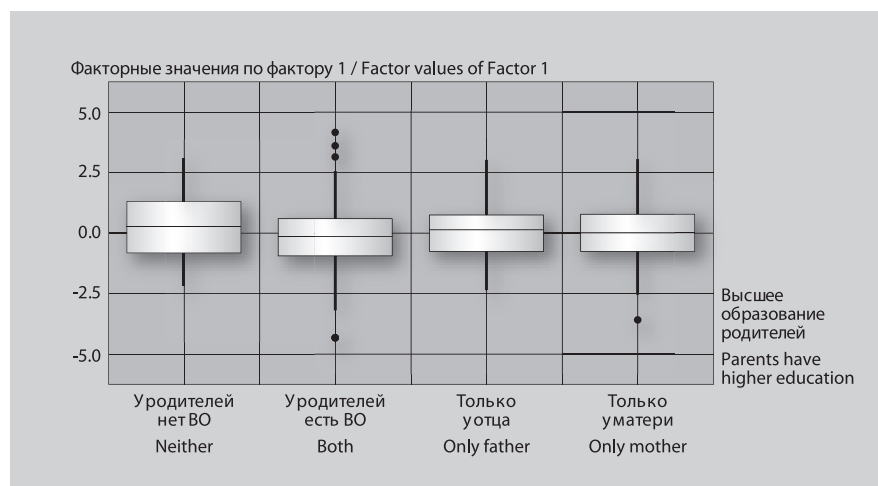

Рис. 7. Различия в средних факторных значениях (фактор 1) в зависимости от наличия высшего образования у родителей респондентов

Fig. 7. Differences in average factor values (Factor 1) depending on higher education of the parents of respondents

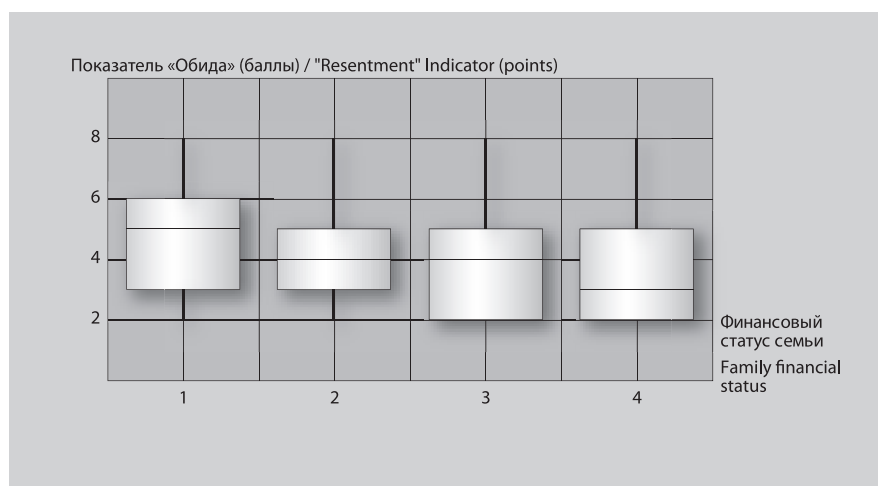

Рис. 8. Различия по показателю «Обида» в зависимости от финансового статуса семьи

Fig. 8. Differences in the "Offense" indicator depending on the financial status of the family

но-экономического благополучия между собой. Так, образование родителей и наличие работы связаны положительно ($\chi^2 = 121.74$, $df = 9$, $p < 0.001$). Финансовый статус семьи также связан как с уровнем образования родителей ($\chi^2 = 63.214$, $df = 9$, $p < 0.001$), так и с наличием работы ($\chi^2 = 56.78$, $df = 9$, $p < 0.001$). Рассмотренные параметры также связаны с другой, не менее важной побочной переменной, учет которой накладывает ряд ограничений на полученные нами результаты, – семейным составом семьи респондента. Указанная переменная связана со всеми из вышеперечисленных: уровнем образования родителей ($\chi^2 = 68.957$, $df = 9$, $p < 0.001$), наличием у них работы ($\chi^2 = 188.52$, $df = 9$, $p < 0.001$), финансовым статусом семьи ($\chi^2 = 49.574$, $df = 9$, $p < 0.001$).

Итак, в данном исследовании мы рассмотрели лишь часть потенциальных коррелятов агрессивности подростков, в частности, пол и социально-экономический статус семьи ребенка. Согласно полученным в рамках исследования данным, юноши и девушки склонны к различным проявлениям агрессивности. Для девушек характерно преобладание переживания субъективных компонентов готовности к агрессии – раздражительности, обидчивости и чувства вины. Для юношей же, наоборот, более типичной является готовность к выражению агрессии вовне – через проявления физической или вербальной агрессии. В целом, полученные результаты согласуются с ранее полученными зарубежными данными: непрямы формы агрессии характерны в большей степени для девушек, нежели для юношей. Склонность к физической агрессии в большей степени наблюдается у мальчиков и юношей (Bjorkqvist et al., 1992; Crick, Grotpeter, 1995).

Также в рамках исследования установлено, что различия в показателях агрессивности, в зависимости от культурного капитала и социально экономического статуса семьи, отражаются преимущественно на субъективных аспектах агрессивности. Так, в частности, показатели обиды и чувства вины статистически различаются у респондентов, указавших различные уровни финансового статуса семьи. Показатели враждебности существенно различаются в зависимости от наличия или отсутствия высшего образования у обоих родителей. Различные

уровни готовности к физической агрессии показывают респонденты из семей, в которых работают только отец или только мать. Общий показатель агрессивности также статистически значимо различается в зависимости от финансового статуса семьи.

Выводы

Несмотря на статистическую значимость полученных различий, с абсолютной точки зрения различия крайне невелики. Вероятно, показатели социально-экономического благополучия семьи связаны с подростковой агрессивностью опосредованно – ключевым моментом являются все же психологические характеристики: специфика взаимоотношения между родителями и ребенком, особенности воспитательных практик, предпочитаемых родителями, особенности организации жизни семьи и другие параметры. Сами по себе факторы социально-экономического благополучия выступают, по-видимому, лишь условием, облегчающим или же, наоборот, затрудняющим реализацию воспитательных практик, принятых в семье, ключевая же роль принадлежит активности родителей и ребенка. Однако для доказательного обоснования данного положения требуется проведение отдельного исследования.

С нашей точки зрения, одной из возможных исходных точек профилактической работы с проявлениями агрессии может стать обоснование необходимости «спуститься на уровень ниже» и начинать работу не по факту совершения противоправного поступка, а с выявления

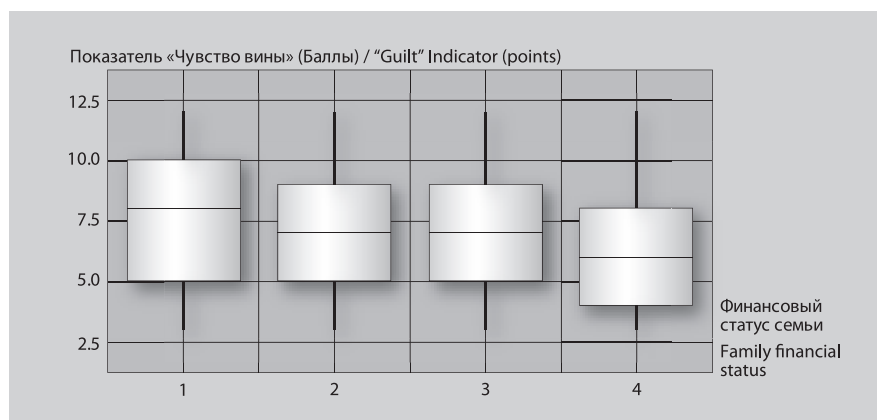

Рис. 9. Различия по показателю «Чувство вины» в контексте финансового статуса семьи

Fig. 9. Differences in the indicator "Feeling of Guilt" depending of the family financial status

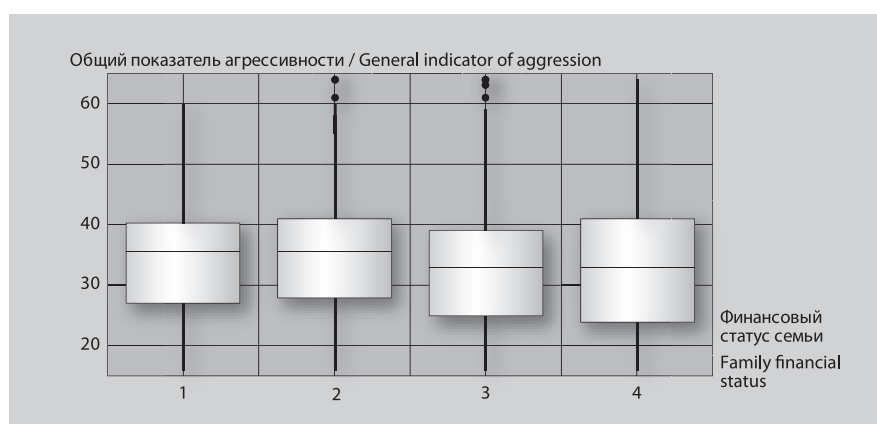

Рис. 10. Различия по общему показателю агрессивности в контексте финансового статуса семьи

Figure 10. Differences in overall aggression depending of the family financial status

враждебности ребенка или подростка в той или иной форме. «Враждебность» в данном контексте можно трактовать как «комплекс негативных отношений, убеждений и оценок, применяемый к другим

людям» (Ениколопов, 2007, С. 34). Выявление потенциальных групп риска является важной задачей, однако модель подобной профилактической работы еще только требует своего создания.

Сами по себе факторы социально-экономического благополучия выступают, по-видимому, лишь условием, облегчающим или же, наоборот, затрудняющим реализацию воспитательных практик, принятых в семье, ключевая же роль принадлежит активности родителей и ребенка

Литература:

- Александров Д.А. Школьный климат: концепция и инструмент измерения / Д.А. Александров, В.А. Иванюшина, Д.К. Ходоренко, К.А. Тенишева. – Санкт-Петербург. – Москва : Дом Высшей школы экономики, 2018 – 103 с.
- Бартол К. Психология криминального поведения. – Санкт-Петербург : прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
- Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – Санкт-Петербург, 2001. – 352 с.
- Ениколопов С. Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2). – С. 33–39.
- Ковалев П.А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 1996.
- Кондракова И.Э. Предупреждение и педагогическая коррекция агрессивного поведения подростков в школе : автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
- Маркова С.В. Гендерные различия агрессивного и аутоагрессивного поведения у старших подростков с девиантным поведением : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2012.

- Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 5. – С. 3–18.
- Реан А.А. Психология личности. – Санкт-Петербург, 2013.
- Реан А.А. Семья как фактор социальных девиаций личности // Российский психологический журнал. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 25–28.
- Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. – Москва : АСТ, 2010. – 576 с.
- Теория и практика поддержки школ, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях : монография / под. ред. Г.Б. Корнетова, А.И. Салова. – Москва : АСОУ, 2017. – 216 с.
- Фрумэн И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
- Чиркина Т.А., Хавенсон Т.Е. Школьный климат. История понятия, подходы к определению и измерению в анкетах PISA // Вопросы образования. – 2017. – № 1. – С. 207–229.
- Berkowitz R. et al. (2017). A research synthesis of the associations between socioeconomic background, inequality, school climate, and academic achievement. *Review of Educational Research*, 87(2), 425–469. doi: 10.3102/0034654316669821
- Björkqvist K., Lagerspetz K. M. J. & Kaukiainen A. (1992). Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression. *Aggressive behavior*, 18(2), 117–127. doi 10.1002/1098-2337(1992)18:2<117::AID-AB2480180205>3.0.CO;2-3
- Buss A. H. (1961). *The psychology of aggression*. Wiley. doi 10.1037/11160-000
- Cutrin O., Gómez-Fraguela J. A. & Luengo M. Á. (2015). Peer-group mediation in the relationship between family and juvenile antisocial behavior. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 7(2), 59–65. doi 10.1016/j.ejpal.2014.11.005
- Crick N. R. & Grotpeter J. K. (1995). Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment. *Child development*, 710–722. doi 10.2307/1131945
- Kelly M. (2000). Inequality and crime. *Review of Economics and Statistics*, 82(4), 530–539. doi 10.1162/003465300559028
- Lefkowitz M.M., Eron L.D., Walder L.O. & Huesmann L.R. (1977). *Growing to be violent: A longitudinal study of the development of aggression*. NY.
- Michalos A. C. (2017). *Connecting the Quality of Life Theory to Health, Well-Being and Education*. Springer. doi 10.1007/978-3-319-51161-0
- Mokosińska M., Sawicki A. & Atroszko P. (2016). Relationship between cynical hostility and socioeconomic status from educational perspective. Preliminary research.
- O'malley M. et al. (2015). School climate, family structure, and academic achievement: A study of moderation effects. *School Psychology Quarterly*, 30(1), 142. doi 10.1037/spq0000076
- Pinskaya M., Kosaretsky S., Zvyagintsev R. & Derbishire N. (2018). Building resilient schools in Russia: effective policy strategies, School. *Leadership & Management*. doi: 10.1080/13632434.2018.1470501
- Piquero A. R. et al. (2016). A meta-analysis update on the effects of early family/parent training programs on antisocial behavior and delinquency. *Journal of Experimental Criminology*, 12(2), 229–248. doi 10.1007/s11292-016-9256-0
- Salinas, D. (2017). How do schools compensate for socio-economic disadvantage? PISA in Focus, 76, OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/a77ee9d5-en>.
- Trifan T.A. & Stattin H. (2016). Are Adolescents' Mutually Hostile Interactions at Home Reproduced in Other Everyday Life Contexts? *J Youth Adolescence* 45, 713–729. doi; 10.1007/s10964-015-0348-3
- Wang M. T. & Degol J. L. (2016). School climate: A review of the construct, measurement, and impact on student outcomes. *Educational Psychology Review*, 28(2), 315–352. doi 10.1007/s10648-015-9319-1
- Weymouth B.B. & Buehler C. (2016). Adolescent and Parental Contributions to Parent-Adolescent Hostility Across Early Adolescence. *J Youth Adolescence*, 45,713–729. doi 10.1007/s10964-015-0348-3

References :

- Aleksandrov D.A. (2018). School climate: concept and measurement tool. St. Petersburg. Moscow, Dom Vyshey shkoly ekonomiki, 103.
- Bartol K. (2004). *Psychology of criminal behavior*. St. Petersburg, Praim-Evrosnak, 352.
- Baron R. & Richardson D. (2001). *Aggression*. St. Petersburg, 352.
- Enikolopov S. N. (2007). Hostility in clinical and criminal psychology. *National Psychological Journal*, 1(2), 33–39.
- Berkowitz R. et al. (2017). A research synthesis of the associations between socioeconomic background, inequality, school climate, and academic achievement. *Review of Educational Research*, 87(2), 425–469. doi: 10.3102/0034654316669821
- Björkqvist K., Lagerspetz K. M. J. & Kaukiainen A. (1992). Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression. *Aggressive behavior*, 18(2), 117–127. doi 10.1002/1098-2337(1992)18:2<117::AID-AB2480180205>3.0.CO;2-3
- Buss A. H. (1961). *The psychology of aggression*. Wiley. doi 10.1037/11160-000
- Chirkina, T.A. & Khavenson, T.E. (2017). School climate. The history of the concept, definition and measurement in the PISA questionnaires [Voprosy obrazovaniya], 1, 207–229.
- Cutrin O., Gómez-Fraguela J. A. & Luengo M. Á. (2015). Peer-group mediation in the relationship between family and juvenile antisocial behavior. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 7(2), 59–65. doi 10.1016/j.ejpal.2014.11.005
- Crick N. R. & Grotpeter J. K. (1995). Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment. *Child development*, 710–722. doi 10.2307/1131945
- Frumin I.D. (2006). Major approaches to the equality of educational opportunities. [Voprosy obrazovaniya], 2, 5–22.
- Kelly M. (2000). Inequality and crime. *Review of Economics and Statistics*, 82(4), 530–539. doi 10.1162/003465300559028
- Kornetov G.B. & Salov A.I. (2017). *Theory and practice of supporting schools operating in adverse social conditions: monograph*. Moscow, ASOU, 216.

- Kondrakova I.E. (2000). Prevention and pedagogical correction of aggressive behaviour of adolescents at school: Ph.D. in Psychology Thesis. St. Petersburg.
- Kovalev P.A. (1996). Age and gender reflection in the consciousness of aggression and aggressive behaviour: Ph.D. in Psychology Thesis. St. Petersburg.
- Lefkowitz M.M., Eron L.D., Walder L.O. & Huesmann L.R. (1977). Growing to be violent: A longitudinal study of the development of aggression. NY.
- Markova S.V. (2012). Gender differences in aggressive and auto-aggressive behaviour in elder adolescents with deviant behaviour: Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow.
- Michalos A. C. (2017). Connecting the Quality of Life Theory to Health, Well-Being and Education. Springer. doi 10.1007/978-3-319-51161-0
- Mokosińska M., Sawicki A. & Atroszko P. (2016). Relationship between cynical hostility and socioeconomic status from educational perspective. Preliminary research.
- O'malley M. et al. (2015). School climate, family structure, and academic achievement: A study of moderation effects. *School Psychology Quarterly*, 30(1), 142. doi 10.1037/spq0000076
- Pinskaya M., Kosaretsky S., Zvyagintsev R. & Derbishire N. (2018). Building resilient schools in Russia: effective policy strategies, School. *Leadership & Management*. doi: 10.1080/13632434.2018.1470501
- Piquero A. R. et al. (2016). A meta-analysis update on the effects of early family/parent training programs on antisocial behavior and delinquency. *Journal of Experimental Criminology*, 12(2), 229–248. doi 10.1007/s11292-016-9256-0
- Rean A. A. (1996). Aggression and aggressiveness of the personality. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 17(5), 3–18.
- Rean A.A. (2013). Psychology of Personality. St. Petersburg.
- Rean A.A. (2007). Family as a factor of social personality deviations [*Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*], 4(1), 25–28.
- Rean A.A. (Ed.) (2010). Family: psychology, pedagogy, social work. Moscow, AST, 576.
- Salinas, D. (2017). How do schools compensate for socio-economic disadvantage? PISA in Focus, 76, OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/a77ee9d5-en>.
- Trifan T.A. & Stattin H. (2016). Are Adolescents' Mutually Hostile Interactions at Home Reproduced in Other Everyday Life Contexts? *J Youth Adolescence* 45, 713–729. doi: 10.1007/s10964-015-0348-3
- Wang M. T. & Degol J. L. (2016). School climate: A review of the construct, measurement, and impact on student outcomes. *Educational Psychology Review*, 28(2), 315–352. doi 10.1007/s10648-015-9319-1
- Weymouth B.B. & Buehler C. (2016). Adolescent and Parental Contributions to Parent–Adolescent Hostility Across Early Adolescence. *J Youth Adolescence*, 45,713–729. doi 10.1007/s10964-015-0348-3